

Внезапно подул шквалистый ветер, резко стемнело, куда-то за тёмные свинцовые тучи спряталось разомлевшее от собственного жара солнце. Вот-вот начнётся ливень.

Люди быстро засобирались с поля домой. Один Степан, он был самый бедный в селе, лошадёнка всего одна, старая, больная, и он, жалея её, не спеша собрался, накрыл рядом на телеге скошенное сено и медленно зашагал рядом с лошадьёю.

Сверкнула молния, загредел гром, и хлынул ливень. Внезапно Степан вздрогнул: прямо на дороге, откуда ни возьми, появилась девочка лет семи-восьми. Насквозь промокшая, она дрожала от холода, просила: «Дядечку, подвези!» Степан посадил девочку на телегу, прикрыл её и стал подгонять лошадь, а сам думал, откуда она взялась, до села ещё далековато, кругом поля, да и на местную как-то не похожа.

Взмахнул неловко кнутом, пытаясь поторопить лошадь, но услышал тоненький вскрик, обернулся и с ужасом увидел, как покраснела щёчка ребенка и из глаз покатила слеза.

«О Боже, прости, девочка, нечаянно я, прости ради Бога!» Она улыбалась сквозь слёзы: «Ничего, дядечку». Степан взял лошадь под уздцы, быстрее зашагал по дороге.

Дождь утихал. Оглянувшись, Степан совсем растерялся: девочки на телеге не было. Не было её и на дороге. Странно... Вернувшись, Степан никому ничего не рассказывал: ещё посмеются, подумают, спьяну привиделось.

На этом месте Степан Михайлович замолчал и стал раскуривать свою трубку.

Мы сидели с ним на лавочке возле его сторожки — он присматривал за колхозным садом. Я уже приехала инспектировать полевые киноустановки и остановилась у деда Степана, как посоветовали мне в районном клубе. Тем

более что домик его стоял в живописнейшем месте на берегу Днепра, недалеко от Крюкова.

Степан Михайлович ещё помолчал, а затем продолжал:

«Однажды, к сельскому батюшке пришёл наш деревенский юродивый парнишка и сказал, что во сне к нему приходила Матерь Божья и сказала, что в старом колодце за околицей явилась икона. Батюшка собрал сельчан, и пошли они к колодцу. Там, в глубине, действительно виднелась икона Божьей Матери. Однако когда попытались её достать, она исчезла. На следующий день наш юродивый прибежал снова к батюшке и закричал: мне снова приснилась Божья Матерь и сказала, только Степан достанет. Ко мне пришла целая делегация во главе с батюшкой: „Иди, Степан, пробуй!“ Я действительно полез, достал икону и обомлел: на меня смотрела сама Матерь Божья, а из левого глаза ручейком текли слёзы...

Икону забрали в церковь. Я, конечно, ничего не стал говорить: кто поверит? Вскоре пришли смутные времена, революция, Гражданская война, разрушались церкви, арестовывали священников, выбрасывали иконы. Вот тогда я сумел забрать и спрятать „свою“ икону.

Прошли годы...

Перед войной умерла жена, детей у нас не было, так и жил бобылём.

Однажды во время войны была сильная бомбёжка, немцы пытались взорвать мост через Днепр, между Кременчугом и Крюковым. Вдруг кто-то громко меня позвал с улицы: „Степан, Степан!..“ Я выбежал — никого. Но в это время за моим домом падала бомба, половины избы как и не было. Несколько дней я разбирал завалы, пока наконец не нашёл свою Божью Матерь. Икона была цела, откололся только один уголок».

Степан Михайлович замолчал и пошёл в дом. Через несколько минут он вышел, бережно держа в руках свою явленческую икону, и протянул её мне.

Осторожно, боясь уронить, я взяла её и увидела глубокий спокойный взгляд Божьей Матери, а по левой щеке — едва заметный след, как бы полоска от высохших давно слёз. Потрясённая, я вернула икону хозяину. Он снова закурил свою трубку, и мы оба надолго замолчали.